

Думаю, что во всем этом сказалось не желание блеснуть эрудицией, здесь проявилась потребность певца постичь все тайны своего ремесла, в котором музыка теснейшим образом связана со словом. Ему одинаково важно управлять интонацией музыкальной и словесной, исходить в своей интерпретации от смысловой нагрузки текста и эмоциональной нагрузки самой музыки. Отсюда в Нестеренко и такая тяга к камерным вокальным жанрам. Здесь для него — простор репертуарный. Огромная лаборатория поисков, проба сил, накопления опыта. Утверждения своего стиля. Наконец, права на свое прочтение.

Стремление Евгения Нестеренко к исполнению сочинений незапетых воспитано в нем его учителем В. Луканиным, который всегда умел отыскать для своих питомцев что-нибудь новенькое. Он же привил им любовь к современной музыке. И в том, что артист стал одним из активнейших пропагандистов творчества советских авторов, тоже заслуга ленинградского профессора. В своих беседах Василий Михайлович не раз убеждал студентов в том, что уровень развития музыкального искусства в каждую эпоху определяется в первую очередь композиторами, отображающие идеалы своего поколения, и потому стоять в стороне от их деятельности настоящий исполнитель просто не имеет права в силу своего долга перед современниками. И в этой области Евгений Нестеренко заслуживает самой высокой похвалы. В его программах много произведений, созданных в наше время, большая часть которых принадлежит Шостаковичу и Свиридову.

С творчеством Шостаковича певец знаком уже давно. Он был одним из первых исполнителей партии баса в его Четырнадцатой симфонии, сатирических миниатюр на тексты из журнала «Крокодил» — камерно-вокальных циклов «Сюита для баса и фортепиано» на стихи Микседадзе и «Четыре стихотворения капитана Лебядкина» на тексты Достоевского. Композитор очень хорошо знал певца, его творческие возможности, отмечал красоту голоса, тонкую исполнительскую манеру. И не случайно именно ему доверял премьеры своих последних сочинений. Мы же, слушатели, понимали тогда, что нам посчастливилось услышать интерпретацию, рожденную при участии автора, должно быть, очень близкую его замыслу. Нам казалось, что певец сумел угадать в музыке горячее сердце художника, постичь возвышенную красоту его мыслей и чувств.

Жизнь Евгения Нестеренко чрезвычайно перегружена творчеством, настолько, что трудно понять, когда же артист находит время для педагогической работы. А ей он, доцент вокальной кафедры Московской консерватории, уделяет серьезное внимание. Любое дело умирает без продолжателей, учеников, последователей. И Евгений Евгеньевич уже сейчас, в золотую пору расцвета своего таланта, мастерства, готовит смену, воспитывает будущих артистов, которым предстоит еще дальше, вперед нести эстафету традиций русской, советской вокальной школы.

И пусть у читателей не создается впечатления, что заслуженный артист РСФСР, лауреат международных конкурсов, солист Большого театра Союза ССР Евгений Нестеренко — «идеальный герой», что жизнь его полна лишь славы, цветов, рукоплесканий. Как подлинному художнику ему знакомы сомнения, неудачи, долгие дни мучительных раздумий. Не все удается ему и сейчас, когда пришла человеческая и артистическая зрелость. Постоянная неудовлетворенность, постоянная жажда совершенствования обещают еще много прекрасных встреч с певцом, неожиданных открытий еще неизвестных нам, новых граней его таланта.

Заслуженный артист РСФСР Е. Нестеренко.

Фото А. Рубашкина.

люди искусства

ТАК ПРИХОДИТ МАСТЕРСТВО

Анатолий БОЙКО

ская, затем старейший педагог-вокалист Мария Михайловна Матвеева и, наконец, профессор Ленинградской консерватории Василий Михайлович Луканин. Собственно, именно успешное прохождение консерваторского курса и заставило Евгения поверить в свое призвание. «Если бы я не встретился с Василием Михайловичем, — говорит он, — то не стал бы певцом. Все мои знания и умение — это плоды неустанный пятилетнего труда моего педагога».

1970 год знаменателен в биографии Евгения Нестеренко не только победой на конкурсе имени П. И. Чайковского, но и не менее важным в его жизни событием — зачислением в труппу Большого театра Союза ССР. Произошло это для него неожиданно во время московского состязания певцу предложили спеть в театре партию Кончака в опере Бородина «Князь Игорь» вместо заболевшего артиста. Приглашение было заманчивым, но как совместить это с «огромными» конкурсными перегрузками? Несмотря на изрядную долю риска, Евгений согласился и блестяще справился с задачей. Конечно, это был экспромт, но, как говорят, хорош тот экспромт, который хорошо подготовлен. К нему же певец готовился всю предыдущую сознательную жизнь.

Чем же так покорила Нестеренко — Кончак искусственных знатоков оперного пения? Партия Кончака в исполнении Евгения Нестеренко — это новая страница в биографии шедевра Бородина. Певец сумел постичь заложенную в музыку сложность и противоречивость образа. В его трактовке Кончак не только удачливый, самонадеянный воин, но и тонкий дипломат, в нем уживаются жестокость и доброта, мужество и коварство, великодушие и хитрость. Если хотите, у Нестеренко он утратил свою дикость и стал «интеллектуалом».

Официальный ввод певца в труппу Большого состоялся в партии Кочубея в «Мазепе» Чайковского. Но настоящим своим дебютом он считает выступление в опере «Руслан и Людмила» Глинки:

— Руслан стал для меня первой работой и первой премьерой в этом театре. Я имел возможность создать свой образ, своего витязя. Мне посчастливилось участвовать в рождении новой интерпретации оперы, интерпретации очень смелой, своеобразной, предложенной режиссером — постановщиком Б. Покровским и дирижером Ю. Симоновым. Для меня открылся новый Глинка. Это была самая счастливая пора моей артистической жизни. Хитрый и сладострастный

Кончак, кровавый тиран Филипп, яркий, как утреннее солнце, Руслан, величаво-мудрый Досифей, проныра-клеветник Базилло, измученный совестью Борис, торжествующий над миром Мефистофель — это только лишь часть тех образов, которые создал Евгений Нестеренко. Рождение каждого из них — это острый поиск с сомнениями и неудачами, находками и открытиями.

На одном из камерных концертов Нестеренко мы имели возможность познакомиться с результатом такого творческого исследования — мы увидели целую галерею портретов — Мефистофеля, Бетховена, Мусоргский, Арриго Бойто, Шарль Гуно — каждый из них по-своему понимал этот дьявольский образ. И артист познакомил слушателей со своеобразием каждой трактовки, не нарушая ни в чем авторского замысла тонко раскрывая психологические нюансы. И каким многоликим предстал перед нами этот исполнитель рода человеческого!

Итак, жизнь исполнителя идет своим чередом, но вот опять экспромт — итальянский дирижер Ламберто Гарделли после долгих неудачных поисков солиста для роли Мефистофеля в одноименной опере Бойто предлагает певцу принять участие в его спектакле. И Нестеренко соглашается — ведь партия у него готова. В результате — после многих лет перерыва сочинение отлично прозвучало на Будапештском оперном фестивале летом 1974 года. Мефистофель — Нестеренко вызвал бурю восторгов. Рецензенты называли его главной силой спектакля, отмечая убеждающую силу пения артиста, его чарующий голос.

Евгений Нестеренко — человек больших увлечений, хотя круг своих пристрастий он, конечно, ограничил, но ввел в него все, что так или иначе связано с его делом, не только вокалом, но и широко им понимаемой профессией музыканта-исполнителя. Например, поэзия, литература — артист занимается ими всерьез. настолько, что на волнах радиостанции «Юность» я как-то услышал его беседу о творчестве Пушкина, Чехова беседу серьезную, пронизанную его глубоко личным отношением к мастерству и величайшей человечности этих художников. А затем узнал, что, готовя камерные программы из произведений Баха, Бетховена, Шуберта, Нестеренко сделал новые переводы поэтических текстов песен и романсов этих авторов, заново отредактировал и перевел весь текст партии Мефистофеля в «Фаусте» Гуно, стараясь избежать неточностей, искажений, допущенных предыдущими переводчиками.

ПЕРВАЯ встреча с Евгением Нестеренко, открывшая мне всю значительность дарования певца, произошла летом 1970 года в Москве, на Международном конкурсе имени П. И. Чайковского. Он одержал тогда блестящую победу — его удостоили золотой медали и звания лауреата. Для тех, кто знал его, этот успех не был случайным. Нестеренко шел к нему целеустремленно, последовательно завоевывая высшие призы на Всесоюзном конкурсе имени М. И. Глинки, на Международном состязании молодых оперных певцов в Болгарии. Слушая певца в опере и в камерных концертах, я всегда удивлялся, как счастливо соединились в его творческой натуре такие редкие качества, как талант ум, эрудиция, воля, завидная работоспособность. Он представлялся мне человеком зрелым, сознательно ставящим перед собой все новые, все более сложные задачи. И каждый раз возникала мысль — какой мастер, как хорошо он начинает! А начинал он так.

«Хотя в нашей семье музыку очень любили — рассказывает Евгений Евгеньевич — но к профессии певца никто серьезно не относился. Петя я начал, насколько помню, очень рано, лет в двенадцать-тринадцать, часто выступал в концертах школьной самодеятельности, в пионерских лагерях». Конечно, пение тогда для него было скорее забавой, отдыхом. Одно время, он даже учился игре на фортепиано, но времени не хватало. — Жена уже готовилась к поступлению в технический институт.

С тех пор утекло немало воды, и сегодня, рассматривая фотоальбомы Евгения Нестеренко со снимками его сценических героев, думаешь о том, что годы учебы на архитектурном факультете Ленинградского инженерно-строительного института все-таки бесследно для артиста не прошли. Поистине целая галерея портретов оперных персонажей, острохарактерных, ярко индивидуальных, «вылепленных» с незаурядным мастерством, предстает перед вашими глазами. В них ощущается тонкое чутье гримера-психолога, и вы поймете, как я был удивлен, узнав, что этим гримером являлся сам певец. Вот это сочетание в нем поэтического воображения и бесстрастного анализа, умения определить значение мгновения в цепи сценических событий, свойство слышать тончайшие перемены настроений музыки и вместе с тем ощущать все ее величественное здание в целом, держать всю драматургию сочинения в голове, точно распределяя акценты в развитии образа, дает нам право сказать, что в душе артиста нашли пристанище и алгебра, и гармония, в ней соседствуют в согласии и инженер-строитель, и певец-художник.

Выбрать ту единственную профессию, в которой с наибольшей полнотой проявятся заложенные природой способности, помогли Нестеренко люди, так счастливо встретившиеся на его пути и оказавшие большое влияние на развитие его музыкального дара. Это учительница пения 24-й московской школы Мария Ивановна Капустя-